

Камень из Белькова

Посылая нам этот материал, старейший московский краевед С. Д. Васильев написал: «С младшим братом „издателя“ — Иваном Александровичем Ганшиным я познакомился в конце 1959 года. Он являлся последним живым свидетелем приезда В. И. Ленина в Горки Переславские. За одиннадцать лет нашего знакомства я посещал его раз тридцать. Воспоминания И. А. Ганшина, записанные мной, я передал в фонд Переславского музея. Они хранятся там вместе с записью на магнитной плёнке голоса И. А. Ганшина, рассказывающего о прошлой жизни в Горках и о приезде туда Владимира Ильича. Этими воспоминаниями я и пользовался, когда работал над материалом о литографском камне...»

Камень, о котором пойдёт речь в заметках краеведа, до сих пор хранится в экспозиции Александровского музея.

Весной 1894 года В. И. Ленин закончил первую часть своей первой крупной работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи „Русского богатства“ против марксистов)». Все, кто читал её в рукописи, были убеждены, что эту достойную отповедь Н. К. Михайловскому и иже с ним нужно размножить самым скорейшим образом.

В социал-демократических кружках обеих столиц — Москвы и Петербурга — были приняты энергичные меры для изыскания возможностей по изданию труда Владимира Ильича. О легальном выпуске не могло быть и речи. Следовательно, издавать надо было подпольно. В Петербурге этим занялись студенты Петербургского технологического института С. И. Радченко, М. А. Сильвин и А. А. Ванеев. Они отпечатали на гектографе 50 экземпляров и быстро распространили их.

В это время А. А. Ганшин, выпускник того же института, получил от А. Н. и В. Н. Масленниковых сообщение, что после долгих поисков они нашли типографский шрифт. Это известие в корне меняло дело. Пользование шрифтом могло значительно ускорить выпуск книги и увеличить её тираж. Сейчас же по получении письма Масленниковых, А. А. Ганшин сообщил радостную весть участникам институтского социал-демократического кружка и, конечно, в первую очередь Владимиру Ильичу — руководителю кружка технологов. Было решено воспользоваться этой возможностью. Ганшин взялся организовать нелегальную типографию, договорился с автором о получении от него рукописи в середине июня и отправился в Москву.

Однако в Москве его ждало разочарование. От Масленниковых Ганшин узнал, что наборщик, принёсший шрифт, испугался ревизии типографии и взял его обратно. (Этот шрифт в незначительном количестве был найден в 1969 году в тайнике при реставрации дома № 14 на проспекте Мира в Москве, где происходило печатание второй части работы В. И. Ленина.)

14 июня 1894 года Владимир Ильич приехал из Петербурга в Москву, где в квартире С. И. Мицкевича в доме № 7 по Садовой-Кудринской улице он встретился с А. А. Ганшиным и передал рукопись первой части книги.

Рукопись — на руках, время шло, а шрифта всё ещё достать не удалось. Тогда А. А. Ганшин отправился к знакомому наборщику в Юрьев-Польский, но и там его ждала неудача. Наборщик не решился дать шрифт или набрать рукопись объёмом почти в пять печатных листов, опасаясь, что владельцу типографии бросится в глаза убыль шрифта, и дал лишь литографские камни.

Для проверки этого факта мне пришлось послать письмо в Юрьев-Польский местному краеведу А. С. Торлину. Получил от него ответ, что в Юрьев-Польском была «единственная в городе типолитография А. М. Нарциссова, размещавшаяся в нижнем этаже... собственного

дома в Зарядье (ныне Советская площадь, 12)». Запасами шрифта типолитография действительно располагать не могла, так как выполняла в основном мелочные работы: объявления, билеты, визитные карточки, адреса, разные бланки.

Мне довелось в конце 1950-х годов познакомиться с Иваном Александровичем Ганшиным (1878—1970), младшим братом «издателя» А. А. Ганшина. В очередной беседе я спросил у него, куда девались литографские камни. Подумав, он ответил так:

— Дело в том, что типографщик дал камни, бывшие в употреблении: на них были клише винных и водочных этикеток, кажется, «Петра Смирнова сыновей». А «издатели» не смогли их вытравить, вернее, не сумели. Я великолепно помню эти камни. Сначала они хранились у нас, в Горках, а потом — у тех Ганшиных, которые жили в Белькове. По моему мнению, камни должны быть целы и находятся в семье бывшего бухгалтера местной фабрики.

Как-то привёз я москвичей на экскурсию в Александровский музей, разыскал тогдашнего директора М. А. Спешилова и рассказал ему о камнях. Директор обрадовался такому известию, и когда я вновь приехал с группой экскурсантов в Александров, то литографский камень уже был в экспозиции музея.

— А где второй? — спросил я у директора. К сожалению, второй камень найти не удалось.

С. Васильев